

Ори-ори: между лесом и сердцем

Анна Гурьянова

18+

Анна Гурьянова

Ori-ori: между лесом и сердцем

«Автор»

2025

Гурьянова А. В.

Ori-ori: между лесом и сердцем / А. В. Гурьянова — «Автор»,
2025

В сердце древнего континента Рэдэленге, где переплетаются судьбы трёх враждующих племён — людей Медвежьего когтя, загадочных звериц и таинственных змеглавов — разворачивается эпическая история любви и самопожертвования. В центре повествования — судьба Лэйфра Бьёрсона, наследника вождя людского племени, чья жизнь предопределена с рождения. Его путь пересекается с удивительной зверицей Эйсараэль — немой девушкой с белоснежными волосами и зелёными глазами, говорящей языком птичьего пения. Их детская дружба, зародившаяся вопреки межплеменной вражде, перерастает в глубокое чувство, которому предстоит пройти испытание временем и войной. Когда древнее пророчество и надвигающаяся угроза со стороны змеглавов ставят под угрозу существование всех племён, Лэйфр и Эйсараэль оказываются перед выбором: сохранить вековую вражду или объединить силы ради выживания. Их история — это рассказ о преодолении предрассудков, о силе истинной любви и о том, как один выбор может изменить судьбу целого народа.

© Гурьянова А. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Гурьянова

Ori-ori: между лесом и сердцем

Глава 1

История родилась в далёких землях Элиге, на материнском лоне Рэдэленге. Там, ближе к закату полушарию, где багряное солнце топило горизонт в крови, магия не ласкала смертных своим благодатным прикосновением, а извращалась, мутировала, словно гниющий плод, порождая чудовищных гибридов человека и зверя.

Дивная и ужасающая сила, способная не только вы ткать из ничего красоты и извергнуть зло, но и сплести нечто доселе невиданное, живое и чуждое всему существу. Новая раса, сотканная из осколков былого, словно кошмар, воплощённый в реальность. Но не суждено было новорожденным найти приют в этом мире. Созданные магией, отмеченные печатью проклятия, зверолоды стали символом ужаса и ненависти в глазах обитателей Элиге, словно тень, упавшая на светлый лик мироздания. "Ибо страх рождает чудовищ гораздо чаще, чем сама тьма," – шептали в народе, закрывая ставни и запирая двери, боясь встретиться взглядом с воплощением кошмара.

Среди лесных преданий шепчутся имена звериц и змееголовов, существ, сотканных из мифа и реальности. Каждая из них – неповторимый узор в ткани мироздания, отмеченный печатью индивидуальности. В отличие от обычных обитателей лесов и небес, они наделены искрами человеческой души, отчего в их взорах мерцает отблеск разума. Но вместо слов из их уст льётся серебряное пение синиц, мелодия, что способна зачаровать сердце и открыть врата в неведомое. В этом пении – мольба, откровение, сама суть их бытия.

Обитают зверицы в сердце густых лесов и на затерянных болотах, являясь лишь тем, кто умеет слушать тишину рассвета. Местные жители, словно хранители древних тайн, передают из уст в уста легенды об этих существах, об их роли стражей леса, о невидимой нити, что ведёт

заблудших путников к спасению. Но горе тому, кто осмелится нарушить их покой! Ярость защитников, пробужденная от сна, подобна буре, сметающей всё на своём пути.

Говорят, что в глазах звериц отражается мудрость тысячелетий, а в их песнях звучит эхо сотворения мира. И каждый, кто хоть раз удостоился чести встретиться с ними, уносит с собой не только воспоминание, но и частицу вечности. А, что касается змееголовых... О них давно ничего не слышно, поскольку два поколения назад, люди изгнали их в холодные пещеры.

У самой кромки безбрежного моря, там, где шепот волн сливается с дыханием вековых сосен, притаилось поселение воинов. Словно осколок древней легенды, затерянный среди снежной пелены, этот край стал домом для тех, кто взвалил на свои плечи непосильную ношу – охрану рубежей мира. Их жилища, будто тайные знаки, сокрыты за изумрудными завесами листвы, и лишь избранным дано узреть шпили их деревянных твердынь, дерзко пронзающие небеса над кронами деревьев – "каменные стражи, зорко бдящие в ночи", как гласит старинное предание. Здесь каждый вздох пропитан запахом смолы и стали, а эхо битв шепчет свои истории сквозь зимнюю вьюгу.

Закалённые в горниле Элиге, мужчины и женщины, чьи колыбели качали ветра битв, а материнским молоком было выживание. Грозные лики, хранящие печать беспощадности, но и отблеск благородства, внушали ужас и восхищение. "Варвары! Злодеи!" – шептали о них, и в этих словах звучала горькая правда, выкованная в набегах и межплеменной вражде. Но за маской жестокости билось сердце, жаждущее справедливости, алчущее единства. Внутри племен царил кодекс чести, высеченный в камне уважения к старейшинам и защиты немощных. Искры мечты об объединении пылали в их взорах, несмотря на завесу нескончаемой борьбы. Они были хранителями древних традиций, чтители подвиги предков, словно высеченные на скрижалях памяти. И порой, когда ночная тишина опускалась на землю, а звёзды рассыпались по бархатному небосклону, из их уст вырывались песни, полные тоски и надежды, мелодии о мире, "мираже, мерцающем на горизонте их кровавых дней".

В устоявшемся ритме жизни, словно в заведенном механизме, сельчане веками предавались разведению коров, кур, овец и свиней. Их незатейливые хижинки, словно махровые бунгалло, прилепились к земле, словно грибы к стволу дерева. Воины же из племени «Медвежий коготь», чьи сердца бились в унисон с зовом дикой природы, видели свое призвание в охоте и торговле на островах Сильвании.

Ремесло кипело в их жилах, превращая трофеи охоты – шкуры зверей и зверо-людей, этих печальных гибридов, – в оружие, украшения и одежду. В лесной чаще, словно зубы хищника, раскрывались капканы, ловушки и сети, присыпанные коварной белой пудрой снега, скрывающая свою смертоносную суть.

Когда наступали летние периоды, было сложнее разложить сети, а посему ставили только капканы, прикрывая листвой или ветками. Ржавый металл особо не видно среди коричневой древесной коры, поэтому махинации часто срабатывали успешно. Поймать за год десяток звериц настоящее чудо.

На первый взгляд, жизнь текла, словно по маслу, и так оно, казалось, и было. Но за этой идиллической картиной скрывалась изнанка – охота на мелкую дичь капканами, полная подводных камней и скрытых опасностей. "Благими намерениями вымощена дорога в ад" – как нельзя лучше описывала эту практику. Во-первых, в железные объятия ловушек попадали вовсе не те, кого ждали, словно судьба насмехалась над охотником, подсовывая нежелательную добычу. Во-вторых, эти бездушные механизмы сеяли хаос в лесной чаще. Словно злые духи, выпущенные на волю. И, наконец, терпение, поистине ангельское, требовалось для этой работы. Каждый капкан – словно капризный ребенок, нуждался в постоянном внимании и уходе, иначе он превращался в бесполезный кусок железа.

Тем не менее, для кого-то эта жестокая игра становилась единственным способом выжить в долгие летние месяцы, когда другие тропы охоты зарастали травой, и надежда таяла, как дым.

И поимка десятка зверьков за год превращалась в подвиг, в личную "Илиаду", где героем был охотник, а оружием – его руки и хитрость.

В племени «Медвежий коготь», словно рассвет после долгой ночи, забрезжило чудо – у вождя родился сын, наследник, чья поступь, казалось, уже сотрясала землю под ногами предков. Будущий вождь, чье имя еще не прозвучало, но чье появление было подобно восходу нового солнца над горизонтом племени.

В то утро, когда солнце только коснулось верхушек вековых сосен, гадалка, чьи глаза хранили тайны мироздания, предрекла младенцу судьбу, сплетенную из звезд и ветров.

– Дитя, отмеченное духами! – провозгласила она, и голос ее прозвучал как звон древнего колокола. – Его ждет великая дорога, усыпанная свершениями, словно поле цветами после весеннего дождя. Он поведет нас сквозь бури и невзгоды к славному будущему, вождь. Судьба его предрешена, как полет стрелы, выпущенной из самого сердца лука.

С того дня, над племенем «Медвежий коготь» разлился покой, тихий, но могучий, как горная река. Каждый воин ощущал в груди отголосок великой судьбы, готовясь ко дню, когда юный наследник поднимет знамя племени. Каждый занимался своим делом с усердием, словно вышивая нить в гобелене будущего: кто охотой, кто заботой о скоте, кто трудами по хозяйству. В каждом движении чувствовалась предвкушение великих перемен, словно перед грозой, когда воздух наэлектризован и каждая травинка трепещет в ожидании.

Бьёрнсон

Юнца нарекли Лейфром, что звучало как обещание – «наследник». Имя отца, Бьёрнсон, он принял как эстафету, прибавив к нему родовое окончание, словно клятву верности предкам. Мать, Эрна, воительница зрелой поры, имя которой звенело как сталь – «умелая». Жизнь текла то тихим ручьём, отражающим облака, то вздымалась штормом, готовым поглотить утлую ладью в бездне. Но в сердце Лейфра уже пылал огонь странствий, неутолимая жажда найти свой путь под северными звездами. Он грезил о далёких землях, где клинки пляшут в смертельном танце, о славе, что опьяняет сильнее мёда, о том, как его имя станет легендой, пересказанной бардами у жарких костров.

Эрна, видя его мечты, улыбалась краешком губ, но в глубине её глаз таилась тень, словно предчувствие бури. Она знала, что их деревня – лишь островок спокойствия в бушующем океане мира, и за его пределами скрываются хищные тени, о которых сын пока не ведаёт. В такие мгновения она крепче прижимала Лейфра к себе, словно пытаясь укрыть его от всех ветров судьбы, что неслись с далёких горизонтов, полных незримых опасностей и горьких разочарований, и словно говорила без слов: "Пусть буря минует тебя, дитя моё".

Вещунья, словно ткачиха судеб, разматывала перед смертными клубок грядущего, щедро одаривая их то обрывками сновидений, то осколками яви. Её слова сплетались в причудливый узор, где сказка переплеталась с былью, а зыбкая грань между ними дрожала, как мираж в

знойной пустыне. "Где же ты, истина, – вопрошали души, измученные неведением, – за какими горами скрываешься?"

А за горами, словно в хрустальном ларце, хранился иной мир, недоступный простому смертному. Там, в царстве невидимом, где туман клубился у подножия гор, словно дыхание уснувшего великана, а ветер шептал древние предания, вещунья черпала свои пророчества. Она видела не только завтрашний день, но и тропы судьбы, разбегающиеся во все стороны, словно реки, и каждая из них несла свои радости и печали.

"Не всем дано избежать объятий рока, – предостерегала она, – ибо за горами, где течёт река Времени, судьба куёт свои цепи, и лишь избранным под силу разорвать их". И каждое её слово, словно удар колокола, разносилось эхом по горам, напоминая о бренности жизни и о вечном поиске истины.

Дружины витязей, уходящие за моря и земли, возвращались не только с трофеями, но и с диковинным скарбом: новым оружием, словно выкованным самим дыханием дракона, и былинами о колдовстве и героях, чьи подвиги гремели где-то за краем света. Дети, затаив дыхание, ловили каждое слово, словно жаждущие путники – каплю росы в пустыне. Взрослые же, умудрённые житейской прозой, лишь усмехались, будто бы говоря: "Жизнь – не сказка, а тяжёлый плуг, которым пахать да пахать". И казалось, мир пропитан тоской, словно осенний туман, когда сказка меркнет в свете будней. Но порой и в их сердцах, зачерствевших от забот, вдруг вспыхивал огонёк. Забывая о бремени лет, они уносились в чарующий мир грёз, где каждый мог стать героем, а каждая звезда – исполненным желанием. И тогда мир преображался, становясь полотном, на котором воображение писало самые невероятные истории.

Год за годом, словно грани на драгоценном камне, оттачивались знания наследника. Сначала шаги, робкие, как первые лучи рассвета, затем – сказания и легенды, словно эхо голосов предков, доносящееся из глубины веков. Меч в руке – продолжение воли, охота – танец со смертью, а мудрость управления народом – тяжкое бремя ответственности. Бьёрн, вождь, чья статность была подобна вековому дубу, а взгляд – как северное сияние, полон решимости и суров, как скалы Навии, желал передать сыну самое ценное – умение слышать боль своего народа и нести его нужды на своих плечах. Ведь жизнь – это лишь миг, хрупкий, как лед на весеннем солнце, и никогда не знаешь, когда судьба обернется роковым ветром.

Когда юноше исполнилось семь лет, он начал постигать искусство стрельбы из лука. Лето стояло в самом разгаре – время, когда природа щедра, как никогда. Птицы заливались трелями, словно соревнуясь в красоте голосов, а в лесу алели сочные ягоды, маня своей сладостью. Листья на деревьях, словно изумрудный ковер, укрывали землю, а на дикой яблоне, словно рубины, висели плоды, искушая своим ароматом и сладостью.

Сбросив оковы нянек, словно цепи, юный вождь, словно сокол, вырвавшийся из клетки, устремился в лес – доказать, что кровь предков кипит в его жилах, что он уже не птенец, ждущий крошек из рук надзирательниц, чьи улыбки – лишь маска, скрывающая холод безразличия.

Лес встретил его шепотом листьев, он скользил меж деревьев, словно тень, обходя коварные объятия ветвей и цепкие пальцы кустов, уподобляясь бесшумному духу, что крадется за добычей. В его сердце жила искра охотничьего мастерства: видеть невидимое, слышать беззвучное, чувствовать пульс леса нутром, а не сталью лука.

Затаившись за древним дубом, словно лесной эльф, он зорко следил за поляной, где каждая травинка трепетала под дыханием ветра. Сердце замирало в предвкушении, пальцы нетерпеливо поглаживали тетиву. И вот, чудо свершилось! Через изумрудную гладь поляны промелькнул силуэт – кролик. Но не домашний увалень, нет! Этот – дикий зверь, воплощение свободы и ловкости. Отбросив сомнения, как шелуху, Лэйфр превратился в саму охоту, в смертоносную стрелу, готовую сорваться с тетивы.

Прозвучало в голове юноши и, прицелившись, сделал первый выстрел, да только промах... Стрела пролетела рядом, тем самым спугнув ушастого.

Кролик юркнул через поляну, словно тень, и тут же растворился в изумрудной чаше кустов. Но юноша не отступил, лишь прошептал одними губами, словно давая клятву:

– Я не сдамся, догоню... и убью...

Сердце его пылало, как кузнечный горн, раздуваемый неукротимым желанием добиться своего. В этом мальце угадывалась стальная целеустремленность, воля к победе, подобная клинку, отточенному тысячами ударов. Если однажды споткнулся, не сдавался, а вставал вновь и вновь, словно Феникс из пепла, пока не достигал желанного. И эта титаническая работа, словно труд каторжника, приносила свои плоды – мальчик взбирался на вершины, покорял одну цель за другой, оставляя далеко позади сомнения и страхи. В нем клокотала жажда жизни, неутолимая, как у путника в пустыне, а желание учиться было ключом, отпирающим двери в мир возможностей. Дух спортивного азарта, неустрашимость перед лицом любых преград сделали его подобным горному орлу, парящему над пропастью. Достигнув одной цели, он, словно голодный зверь, уже видел следующую добычу, продолжая свой неутомимый бег вперед, оставляя позади себя лишь пыль поражений и обломки ошибок.

Вырвавшись из тенистого лона укрытия, он, словно гончая, сорвавшаяся с цепи, пронёсся через поляну, на лету подхватив стрелу, воткнувшуюся в изумрудную плоть земли, словно жало осиное. Взгляд, острый, как клинок, метнулся в сторону мелькнувшего кроличьего хвоста, и он, ведомый первобытным инстинктом хищника, устремился следом, словно тень за ускользающим призраком.

Шаг захлестнула волна бега, и вскоре прямая, как натянутая тетива лука, дорога поползла вниз, под уклон, увлекая его в неизведанную бездну, словно река, стремящаяся к морю. "

Едва уловимая тропинка, словно нить Ариадны, слабо мерцала в изумрудном море травы – уже добрый предвестник.

Соскользнув со спины каменного исполина, юноша вступил в объятия открытого простора. Перед ним, словно стражи вечности, высились горы, их снежные короны искрились под лазурным небом. С ледяных вершин, подобно хрустальным слезам, низвергалась река, превращаясь в каскад звенящих водопадов. Чистая, как совесть младенца, вода пробивалась сквозь каменные объятия, рождая серебряные ручейки, что спешили вниз по горному склону, словно дети, убегающие от матери.

Глубина речушки – едва ли достанет до колена. Лэйфр, опьяненный красотой этих мест, двинулся вверх по течению, впитывая в себя атмосферу безмятежности. Свежий воздух, словно эликсир жизни, вливался в легкие, неся на своих крыльях ароматы лета. Миролюбивый уголок, где дикий зверь – гость редкий, зато рыба... Что это?! В зеркальной глади реки вспыхнули серебряные искры – чешуя карасей. словно в крошечном озерце, неспешно кружили упитанные особи. Да, это не кроличье мясо и не лисья шкура, но и рыба – неплохая награда.

Лэйфр ступил на обкатанный рекой камень, словно на пьедестал охотника. Из колчана, словно из глубин памяти, извлек простую стрелу. Приложив ее к деревянному луку, он натянул тетиву, превращая ее в поющую струну, и прицелился. Вспомнив главные азы, словно шепот предков, выдохнул горячий воздух, и стрела, словно выпущенная из самой души, понеслась вперед!

Пролетев несколько метров, она вонзилась в брюхо рыбы, словно молния в небесную гладь. Серебряное тело, пронзенное стрелой, взметнулось над водой, оставив на поверхности кровавый след.

Улыбнувшись предвкушению победы, парень уже протянул руку к своему трофею, как вдруг за спиной раздался предательский хруст ветки, словно сама тишина леса разлетелась на осколки.

Резко обернувшись, он увидел видение, сотканное из мрака и света – девочку лет шести, закутанную в длинную, угольно-черную мантию, словно тень ночи. Её волосы, цвета первого снега, развевались на ветру, словно знамя зимы, а глаза сияли изумрудной зеленью, как трава на лугах, напоенных самой жизнью.

Лэйфр застыл, слова замерли на кончике языка, но в памяти всплыли предостережения отца Бьерна: "В лесах, дитя, живут тени, и некоторые племена используют невинность как щит". Инстинкт охотника взял верх. Он бесшумно вложил новую стрелу в лук, готовый обрушить на нарушителя тишины смертоносный дождь

– Эй! Да ты кто такая, выскочка?! Из какого поганого племени выползла? – прорычал мальчишка, словно щенок, лающий на луну, надвигаясь на хрупкую незнакомку. В ней не было и намёка на оружие, лишь дикая, испуганная грация, как у загнанной лани. Любопытство и страх сплелись в его груди в тугой, змеиный клубок, отравляя воздух вокруг.

Вспоминая наставления отца, словно эхо из глубины веков, он зашептал под нос, как молитву перед бурей: – Ogi-ogi... – боевой клич, священное заклинание его рода, выкованное в горниле древних верований. Говорили, эти слова – ключи от врат небесных, мольба к богам о помощи в час нужды. Если же судьба, словно безжалостный охотник, уже натянула тетиву, то с этими словами душа воспарит в сияющий мир предков, где у огромного костра в чертогах вечности его встретят прародители, с улыбкой и распростёртыми объятиями.

В ответ девчушка лишь одарила его молчанием, словно статуя, изваянная из лунного света. Её глаза, два озера удивления, скользнули по мальчишке, изучая его, как картографы исследуют неизведанные земли. Пусть их возраста и разделяла тонкая нить в один год, нападать в этой гнетущей обстановке было все равно что танцевать на краю пропасти. Мимолетная улыбка, подобная зарнице, вспыхнула и тут же погасла на её лице, а затем рука, нежная, как крыло бабочки, коснулась горла. Легкое поглаживание – безмолвный крик, отчаянная мольба, говорящая о том, что голос ее – пленник безмолвия. "Мой голос замер, как птица в клетке," – казалось, шептали ее глаза.

Опустив лук, Лэйфр позволил себе выдох облегчения, словно выпустил на волю птицу, запертую в груди. Внешне она казалась безоружной, хрупкой, как цветок, выросший посреди стального поля битвы. «И выглядит безобидно, странно...» – пронеслось в его голове, словно эхо далекого грома.

– Так значит, ты нема, словно лесная нимфа, утратившая свой голос? – промолвил он, приближаясь. Каждый шаг казался шагом по тонкому льду. Он робко заглянул в её глаза, зелёные, как весенняя листва, и утонул в них, словно в бездонном озере. В этот миг мир вокруг словно замер, оставив лишь их двоих в центре внимания вселенной. Внезапно, словно кистью художника, по его щекам пробежал алый румянец – предательский признак смущения.

– Амм, ну... Как ты здесь оказалась, дитя? Может, ты заблудилась?

Седовласая, словно лунный призрак, качнула головой в знак отрицания, и костлявым перстом указала на горы, где величавые утёсы, словно стражи вечности, таили в своей каменной груди неизведанное. Вещунья, чей голос звучал хриплой песней древности, предупредила: "В этих горах дремлет нечто, что лучше не будить. Не искушай судьбу без крайней нужды, ибо каждый камень там – это шепот забытых богов".

Юноша, понимая, что колодец знаний старухи не бездонен, и на многие вопросы ему не сыскать ответа, избрал иной путь. "Молчание – золото", но даже золото можно добыть с умом.

– Ты же видишь мою жажду познания, понимаешь без слов? – произнес он, словно плетя нить между двумя мирами. – Тогда позволь мне задавать вопросы, требующие лишь кивка или молчаливого согласия. Согласна ли ты на эту игру?

В ответ – лишь утвердительный кивок, словно робкое согласие небес, и улыбка, теплая, как первое весеннее солнце. Так завязалась дружба, сотканная из нитей юности и беззаботности. Вскоре их смех, звонкий и чистый, подобно горному ручью, наполнил каждый уго-

лок их мира. Часы, казалось, теряли счет времени, когда они, словно два соловья. Шебетали о сокровенном, делясь тайнами, как драгоценными жемчужинами, мечтами, взмывающими ввысь, подобно орлам, и страхами, темными тенями, что отступали в свете их дружбы. Они стали друг для друга тихой гаванью, где можно было найти утешение в бушующем море жизни, неразлучным дуэтом, чье присутствие, как яркий луч, рассеивало серые будни.

И день, словно конь, пущенный во весь опор, промчался вихрем. Солнечные лучи, подобно золотым стрелам, медленно угасали за неприступными горными вершинами, исчезая за горизонтом, словно растворяясь в вечности. Где-то там, в таинственных, неведомых землях, куда не ступала нога человека, рождался новый рассвет, окрашивая небо в багряные и алые тона, словно предвещая новую главу в книге бытия.

Пение птиц, словно выцветшая акварель, тихо растворялось в вечерней дымке, а детские игры, утомленные долгим днём, замедляли свой бег. Лэйфр, с гордостью демонстрируя улов – несколько серебристых рыбёшек, добытых с помощью новоявленной подруги, вдруг насторожился. Издалека, словно эхо далёких колокольчиков, донеслись женские голоса. "Няньки... – пронеслось в его голове, – ищут беглеца. Если найдут, им головы не сносить!"

– Мне пора... – прошептал он, замечая в глазах подруги смесь удивления и... понимания, словно она прочла его мысли. – Но... ты придёшь завтра? Увижу ли я тебя здесь снова, когда солнце вновь разбудит этот лес?

В ответ он получил лишь кивок, лёгкий, как взмах крыла бабочки, но исполненный обещания. "Завтра..." – прошелестело между ними невысказанное слово.

Попрощавшись, мальчишка побежал в ту сторону, откуда доносились голоса. В руках удерживая верёвку, на кой болталась ещё живая рыба. Дети из племени не были похожи на новую подругу, и о ней хотел умолчать, ведь если бы она была из другого племени, последствия могли быть необратимы в виде нападения...

Как и ближайшие племена были разорены, люди убиты, кто-то взят в плен. Страшное зрелище, когда воинов не хватает, погибшие в бою, многие ранены, в крови, зато с победой. Жестокое время, когда взрослые передают свои знания будущему поколению, не желая что-то менять в своей жизни... Мальчишка знал, что его мир полон опасностей, и каждый день приносит новые испытания. Он ускорила шаг, стараясь не думать о том, что может произойти, если его тайна станет известна. Впереди, среди деревьев, мелькали фигуры сверстников, и смех их звучал как музыка, отвлекая от мрачных мыслей. Он мечтал о том, чтобы однажды все племена смогли жить в мире, без страха и ненависти. Но сейчас его заботила лишь рыба, которую он поймал, и радость, которую она принесет его друзьям. В этот момент мальчишка решил, что будет хранить секрет о своей новой подруге, пока не придёт время, когда мир вокруг изменится, и они смогут быть вместе, не опасаясь последствий.

Попрощавшись, мальчишка вихрем умчался в сторону, откуда доносился гул голосов, словно ветер, несущий шепот леса. В его руках трепетала веревка, а на ней, подобно последней надежде, билась еще живая рыба, серебряным блеском напоминая о мимолетной удаче. Дети его племени, чуждые мягким чертам новой подруги, были как высеченные из камня, и он лелеял молчание о ней, как пугливую птицу, зная, что раскрытие этой тайны может обернуться бурей, яростнее любой грозы. Ведь если она – росток из чужого племени, гнев соплеменников обрушится на них, как лавина.

Подобно хищным птицам, разорены были ближайшие племена, их земли – обагрены кровью, люди – превращены в тени прошлого. Лишь воины, израненные, но с победой в глазах, напоминали о жестокой цене их существования. Это был век, когда выживание диктовало свои правила, когда взрослые передавали потомкам не мудрость, а лишь эхо кровопролития, словно обрекая их на вечное повторение трагедии. "Кто сеет ветер, пожнет бурю", – шептала сама жизнь, и мальчишка чувствовал этот ветер на своей коже.

Он ускорил шаг, стремясь заглушить в себе страх, подобный змее, обвивающей сердце. Впереди, меж деревьев, словно искры костра, мелькали силуэты сверстников, и их смех, чистый и беззаботный, звучал как музыка надежды, отгоняя тени прошлого. Он мечтал, как птица о небе, о времени, когда все племена смогут жить в мире, не зная страха и ненависти, когда "волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком". Но сейчас его заботила лишь рыба, пойманная им, и тот миг радости, который она подарит друзьям. В этот миг он решил, что будет хранить тайну о своей подруге, словно драгоценный камень, до тех пор, пока мир не изменится, и они смогут быть вместе, подобно двум рекам, сливающимся в один могучий поток. Пока не придет время, когда "меч будет перекован на орало".

Вернувшись в племя, юнец получил взбучку, словно гром среди ясного неба, за самовольную отлучку. Но гнев быстро сменился восхищением: в столь нежном возрасте он принес добычу, достойную зрелого охотника – более дюжины карасей, серебристых, словно луна в ночной воде. "Глядишь, – шептались старики, – ушицы наварим, целый котел, пир горой!" После словесной бури и похвал, сладких, как мед диких пчел, парень замер в ожидании возвращения соплеменников. Его взгляд, острый, как у орла, непрестанно буравил горизонт, выискивая малейший знак. Наконец, словно по мановению волшебной палочки, спустя томительные часы, вдали проступили знакомые силуэты. Племя, завидев юношу и его богатый улов, взорвалось ликующим шумом, словно весенний ручей после долгой зимы. Карасей тут же поделили, словно сокровища, на равные доли, а из самых крупных сварили долгожданную уху, чей аромат, густой и пьянящий, словно любовное зелье, наполнил поселение, обещая сытость и довольство.

С того дня, полотно истории окрасилось новыми, доселе невиданными красками. Лэйфр, словно мотылек, упорно летящий на свет, время от времени ускользал из объятий племени к тому заветному месту, где его ждала новая подруга. Имени её он не ведал, нарекая ласково "Снежком" за её волосы цвета первого зимнего покрова. Но со временем, словно сквозь тонкую ткань, начали проступать странности. Лик её, подобно увядающему цветку, омрачался печалью, в то время как глаза, словно два осколка небесной лазури, искрились неподдельной радостью. С каждым визитом Лэйфр ощущал, как за этой лучезарной улыбкой скрывается тайна, глубина которой не поддавалась измерению. "Снежок" часто обращала свой взор вдаль, словно высматривая призрак ускользающей мечты. Он не знал, что ответить на эту невысказанную тоску, ведь его мир был ограничен лишь лесами и горами, а её грезы, казалось, парили над горизонтом, далеко за пределами их маленького племени. "Сердце – это странствующий огонь, а память – его пепелище," – подумал он. И именно тогда он осознал, что их дружба – не просто игра, а нечто большее, чем он мог себе вообразить, возможно, ключ к разгадке той самой тайны, что пряталась за ее глазами.

На одной из таких встреч, когда закат разливался по небу багряным пламенем, словно прощальный поцелуй дня, мальчишка снял с себя амулет. Этот символ, хранивший тепло его сердца, он надел на шею Снежке, как печать нерушимой дружбы. В ответ Снежка одарила его камнем, хранящим в себе тайну: рисунок то ли птицы, то ли зверя, проступал сквозь причудливую вязь узоров, словно шепот древних легенд. Обнявшись на прощание, словно два лучика солнца, встретившиеся на миг, они вновь договорились встретиться здесь завтра. Каждая встреча становилась слаще предыдущей, как глоток родниковой воды в знойный день, и так пролетела половина лета.

Медленные часы тянулись, словно патока, а обучение и дела казались оковами, сковывающими полет души. Желание поскорее вырваться на свободу и встретиться с другом у речушки, журчащей, словно звонкий смех, будоражило сердце, словно крылья бабочки в кулаке. И, наконец, настал тот самый, долгожданный миг!

Покинув незаметно племя, словно тень, ускользающая от лунного света, парень побежал к заветному месту. Его сердце трепетало, словно пойманная птица, в предвкушении того, в

какие игры они сегодня сыграют? Догонялки, где ветер свистит в ушах, а азарт толкает вперед? Или лучше поохотиться, слившись с лесом, словно призрак? И та, и другая идея казались лакомым угощением. Потратив несколько минут на размышления, парень решил начать с догонялок. Он любил это ощущение опасности и восторга, когда его преследовали, словно дикого зверя, и самому приходилось ускользать от преследователей, словно капле росы, ускользающей от солнечного луча.

Распахнув изумрудный полог листвы, он вырвался на дорогу, словно беглец из плена. Но здесь царил лишь безмолвная пустота. Ни души. Он обвел взглядом окрестности, но тщетно – лишь шепот ветра в кронах деревьев отвечал ему. Так и простоял Лэйфр, в ожидании, до сумерек, пока багряный закат не окрасил небо в тона безнадежности.

И последующие дни он приходил сюда, ведомый призрачной надеждой, но дорога оставалась, девственно чиста, словно выметенная рукой самой судьбы. Ни следа, ни знака, лишь холодное безразличие природы. Разочарование пустило корни в его сердце, словно ядовитый плющ, обвивая его душу. С каждым новым приходом надежда гасла, подобно свече на ветру.

Лэйфр начал замечать, как мир вокруг него вторит его внутреннему состоянию: листья на деревьях, словно слезы осени, желтели и опадали, а воздух пронизывал ледяной холод отчаяния. "Не сон ли это?", – шептал он, терзаемый сомнениями, – "Неужели встреча была лишь призрачным видением, рожденным моей тоскующей душой?". И этот вопрос, словно острый кинжал, вонзался в его сердце, оставляя кровоточащую рану.

Миг пролетел, словно сон бабочки, и суровая тень учения омрачила светлый горизонт юности. Воспоминания, словно драгоценные самоцветы, затворились в глубинах его сердца, оставив на устах лишь легкую улыбку – эхо прошедшей радости. В руке он сжимал камень, новообретенный талисман, словно "клад, оброненный небесами", символ надежды в грядущих испытаниях.

Новая загадка, словно клубок змей, зашевелилась в его уме: "Зверицы... Кто они?" Пора раскрыть эту тайну, соткать полотно истории из нитей правды и домыслов, дабы свет знания рассеял тьму невежества. "Ибо знание – сила", а незнание – оковы, сковывающие разум.

Они – долгожители, сотканые из мифов и теней, их век простирается на 140-150 лет, если только злой рок не оборвет их нить раньше. Каждый – уникальный узор на ткани бытия, где на ликах переплетаются перья, словно шепот ветра, и чешуйки, твердые как сталь. Рога – корона зрелости, растут вместе с мудростью, у старших – величественные, как горные пики, и потому столь желанные.

Холод для них – погибель, и тогда тот, чье оперение подобно непробиваемому щиту, становится оплотом племени. Держатся вместе, как звезды на небосклоне, – неразрывно, но в то же время свободно, каждый в своем полете.

Крылья – эхо древних драконов, переплетение кожи и перьев, словно воспоминание о былом величии. Темные тона их одеяний скрывают тайны ночи, а глаза, как два уголька, вспыхивают в темноте, пронзая мрак. Чувствуют мир обостренным нюхом и слухом, но порой, словно мотыльки на пламя, отвлекаются на мимолетное, попадая в сети.

Великаны, ростом два метра и выше, чьи тела – воплощение мощи.

Их трапеза – пиршество контрастов: мясо, рыба и дары земли.

Речь их – не просто слова, а мелодия, песня, что льется из самой души, напоминая трели первых птиц на рассвете.

Обитают там, где горы целуются с небом, у их подножий и в шепчущих лесах, словно стражи древних тайн.

Словно диковинный сад, где природа сплела воедино несовместимое, предстают эти создания. Их волосы, жесткие, как проволока, лишь изредка достаиваются грубой ласки когтистого гребня, да и у большинства они обрываются дерзкой щетиной. На человеческом лице,

словно маскарадный узор, то тут, то там проступает чешуя – холодная змеиная броня или нежная россыпь мягких перышек, словно ангельский пух, случайно оброненный в преисподнюю.

В пасти, скрытые в багровой ткани десен, дремлют клыки – кинжалы длиной в три сантиметра, готовые в любой миг обнажить свою смертоносную сталь. У сильнейших из них челюсть ощетиливается четырьмя такими клинками, словно оскал самой смерти.

Тело, подобно полотну безумного художника, покрыто то чешуей, отливающей сталью, то бархатом перьев, шелестящих на ветру. Но среди этого хаоса плоти и костей, словно якорь, удерживающий их в мире людей, – детородные органы, напоминающие о той искре человечности, что еще тлеет в их существе.

Хвост, длинный и гибкий, как хлыст, превосходит рост хозяина, являясь продолжением их дикой сущности. Ноги переходят в мощные лапы с черными, как обсидиан, когтями – орудиями охоты и защиты. Ими они способны хватать жертву, словно стальными тисками, или же устанавливать коварные ловушки, достойные самых изощренных хищников. Гибкий позвоночник позволяет им с грацией диких зверей мчаться на лапах, сливаясь с лесом в едином порыве.

Холод – их злейший враг. Ледяная вода обжигает их плоть, словно кислота. В поисках тепла они взбираются на деревья, где, свернувшись клубком, укрываются в своих крыльях, словно в коконе, пережидая непогоду вдаль от родного племени. На спине, там, где крылья пробиваются сквозь плоть, зияют шрамы – багровые отметины, свидетельствующие о муках рождения. Сами же крылья, словно сотканые из тьмы и света, иногда вспыхивают призрачным сиянием, напоминая о той магической силе, что дремлет в их жилах.

Племя, словно осколок древней легенды, насчитывает около полусотни душ, ведомых вожаком – воплощенной мощью. Их быт – симфония дикости и изобретательности: куют оружие и броню, достойные их демонической природы, возводят лачуги с гнездами, таящими тепло жизни. Там, в этом хаосе, рождаются новые существа, словно отголоски запретных союзов. Дети, появляясь на свет, несут в себе искру человеческого, но спустя мгновения в них пробуждаются крылья и рога, словно символы их грядущего преображения. Хвост же – печать их рода, дарованная от рождения. Встречаются и те, кто до поры до времени скрывают свою истинную сущность, оставаясь лишь подобием людей.

Подобно змеям, их ярость вспыхивает внезапно, опаливая все вокруг. Одежды их – не просто куски ткани, а покров тайны, скрывающий сокровенное от чужих взглядов. Инстинкты же, словно шепот предков, ведут их, и тогда они, подобно диким зверям, ищут кору деревьев, чтобы утолить зуд чешуйчатой спины. Дважды в год они сбрасывают свою броню, словно освобождаясь от бремени прошлого, чтобы возродиться вновь.

Скрытые доселе в сумрачных лесах и неприступных горах, словно ускользающие тени, обитали существа, чье существование было борьбой за выживание. Зверицы... Воины и воительницы многих племен шептали о них с суеверным ужасом, уверенные, что плоть их питается не только добычей лесной, но и человеческой кровью. Порождения магии, лишённые человечности, кроме обманчивых внешних черт, словно маски, скрывающие истинную звериную сущность.

Жестокое заблуждение, караемое смертью, если вовремя не успеешь отскочить от лезвия правды. Так кто же они, эти зверицы? Ангелы во плоти или демоны, восставшие из преисподней? "Время покажет", – невозмутимо вещала старая вещунья, чье сердце, казалось, не ведало страха. После одного случая, словно по негласному указу, в племя перестали приносить живых звериц – дань уважения или признание силы?

В те далёкие времена, когда мудрость ещё не легла печатью на её чело, вещунья была лишь юной травницей, робко учившейся говорить с духами, чьи голоса давно умолкли. Её наставником был друид Варенгейл, старый волк с закалённым сердцем, для которого любое

проявление доброты было лишь слабостью, недостойной смертных. Его взгляд, словно зимний ветер, пронизывал насквозь, а каждое слово звенело, как сталь, выкованная в кузнице древних богов.

В тот вечер, словно обугленный комок горя, в племя втащили живую диковинку – женщину, чья плоть была соткана из перьев, печально обретенную лишь с одним крылом. Её приковали цепями к позорному столбу, близ костра, словно агнца на заклятие. Утром должны были вырвать из её тела драгоценные трофеи, обрекая птичью душу на мучительную гибель...

Когда сумерки опустились на землю, словно чернильное покрывало, дева, крадучись, выскользнула из своей лачуги. Под покровом ночи, словно тень, она проскользнула к пленнице, пробуждая её от кошмарного забытья. Её пальцы, робкие, но решительные, принялись развязывать грубые узлы, сплетённые из невежества и страха. Встретившись взглядами, она не увидела ни злобы, ни ненависти, лишь тихую мольбу, кристально чистое желание жить – искра, что горит в сердце каждого существа.

Освобождённая, однокрылая великанша поднялась во весь свой двухметровый рост. Оперение её мерцало при свете луны, напоминая нежного птенца воробья. В глазах плескалась благодарность, а руки, словно ветви древнего дерева, нежно коснулись макушки Изифы, молодой вешуни. В этот миг между ними пролегла нить понимания, связь, рождённая из сострадания и уважения к чужой сущности. "Злоба – удел тех, чьи сердца отравлены страхом, тех, кто слышит лишь эхо своих собственных предрассудков."

Готовая проводить свою необычную гостью к границе леса, девушка приподняла подол своего ветхого платья и повернулась в сторону спасительной тропы. Улыбка озарила её лицо, словно восход солнца, ведь она никогда прежде не была так близка к чуду, никогда не чувствовала прикосновения этих больших, когтистых рук, несущих на себе бремя одиночества и непонимания.

Должно быть, боги намеренно создали эту землю столь неприступной, чтобы укрыть её от внешнего зла, но смертные, ослеплённые жаждой власти и наживы, извратили послание небес, переписав историю кровью и ложью.

– Пойдём, пока ни единая травинка не выдала наш секрет... – Прошептала Изифа, ступая в ночь, словно в омут, а за ней кралась зверица, ведомая страхом, но с искрой надежды в глазах.

Их дерзкий побег прервал зловещий скрип двери – из чрева махровой лачуги выплыл старый друид Варенгейл, словно тень из преисподней. В его алчных замыслах таилось кощунство: сорвать последние искры жизни с тела зверицы, дабы влить их в свои гнусные зелья и обряды. Но Изифа, его ученица, словно ангел-хранитель, встала на пути рока.

– Изифа! – Прогремел голос друида, подобно грому, сотрясающему небеса, и в руке его блеснул топор, словно оскал смерти.

– Варенгейл, прошу... Не нужно крови... В их сердцах нет зла, лишь испуг... Оставьте их во тьме, не тронь... – молила девушка, стараясь приглушить голос, но вложить в него всю силу своей души, дабы достучаться до черствого сердца учителя.

– Изифа, опомнись! Это же монстр, порождение бездны, их души черны, им нет места под солнцем! – Шипел Варенгейл, словно змей-искуситель, приближаясь с топором, готовый обрушить удар.

И тогда Изифа, словно хрупкий щит, распахнула руки, преграждая путь.

– Только через мой труп... – Выдохнула она, готовая принять смерть во имя жизни.

– Как скажешь... – Прорычал мастер, его глаза горели ледяным пламенем. Варенгейл был не из тех добродушных друидов, что прощают слабости. Он был суровым воином, закалённым в битвах, а затем – травником, познавшим тайны жизни и смерти. Разбудить в нем жалость было сложнее, чем построить дракар, что бороздит моря.

И он обрушил удар рукоятью топора на хрупкое плечо Изифы. Девушка рухнула на землю, словно подкошенная, ударившись о деревянный выступ, и кровь окрасила её руку.

Превозмогая боль, она сдержала стон, готовая до последнего вздоха защищать свой выбор. И тогда зверица, свидетельница этой жестокости, издала крик, раздирающий тишину, словно глас самой ярости.

В лачугах вспыхнули испуганные лица, из тьмы вынырнули воины и воительницы, детский плач разорвал ночь. И все увидели, как зверица, обуянная гневом, обрушила крыло на друида, словно карающий меч, повалила его на холодную землю и растерзала его тело, вырывая органы, разбрызгивая кровь на мокрой траве, словно багряные цветы смерти.

Тени, словно кошмарные бабочки, металась по меховым полотнам, пробуждая в людях не ужас, а леденящий душу первобытный страх. Хруст костей звучал погребальной песней, а чавканье склизких от крови внутренностей резало слух, но Изифа, оглушённая звоном в ушах, не могла разобрать этот мерзкий аккомпанемент смерти. Боль, словно раскалённые иглы, пронзала тело от неглубоких царапин и резкого удара, но ничто не могло сравниться с тем ужасом, что расцветал перед её глазами, подобно ядовитому цветку.

Поднявшись на дрожащие колени, а затем и на ватные ноги, девушка содрогнулась от омерзительного зрелища: тело друида, изуродованное до неузнаваемости, лежало в неестественной позе, словно сломанная кукла. Рядом, словно хищная статуя, возвышалась зверица, с когтей которой стекала багровая кровь. Тяжёлое дыхание вырывалось из её пасти, словно из кузнечного горна.

– Ч-что... – Прошептала девушка, но её голос утонул в океане ужаса. Внезапно чья-то сильная рука, словно стальной капкан, схватила её за запястье и повлекла за собой в чащу леса. Пока племя взрывалось хаосом криков и воплей, Изифа, словно марионетка, послушно следовала за зверицей. Именно она вырвала её из лап смерти, но зачем? Чтобы самой стать палачом?

– Зачем ты меня ведёшь в лес? Если хочешь убить, убей сейчас... – В голосе девушки звучало отчаяние, смешанное с непониманием. Ком, словно проклятие, подступил к горлу, напоминая о гибели мастера. Но печаль не терзала её сердце, ведь он всегда был суров, словно зимний ветер. И даже в свой последний день, он, не воспринимая всерьёз слова ученицы, был готов убить её, словно сорную траву.

При себе не было даже жалкого кинжала, чтобы хоть как-то защититься, оставалось лишь принять судьбу, как неизбежность. За свою доброту расплатиться смертью? Такова ли цена милосердия?

Десяток минут молчания в бешеной гонке сквозь лес казались вечностью. Наконец, зверица остановилась под сенью огромной ивы, чьи плакучие ветви касались зеркальной глади широкого ручья, образуя тихий пруд, словно слезу на щеке земли.

Зверица, отпустив руку Изифы, смущенно тряхнула головой и, присев у кромки воды, принялась омыwać ладони и лицо, словно стремясь изгнать багровую печать битвы, дабы кровь не успела навеки запятнать её оперение. Теплый воздух благоухал летней негой, но зверь помнил, как быстро этот аромат мог обратиться в тошнотворное зловоние.

Под бледным ликом луны, в тишине, что казалась бездонной, лишь трели цикад, словно хрустальные нити, плели узор ночи, и журчание воды вторили им тихой песней.

– Эй... Зачем ты меня сюда привела? – Прошептала Изифа, робко отстраняясь от загадочной спасительницы. В ответ – лишь безмолвие, густое и всепоглощающее.

Черноволосая девушка, с тяжелым вздохом, опустилась рядом с диковинным существом, зачарованно наблюдая, как та осторожно смывает кровь. Вода, обогрелая грязью, тут же возрождалась, становясь кристально чистой, благодаря неустанному течению. Но любопытство, словно голодный зверь, терзало её, готовое разорвать любые оковы благоразумия.

Повернувшись к зверице, Изифа несмело коснулась единственного крыла, что уцелело, ибо на месте второго виднелись лишь обрывки перьев. Мягкое, как облако, сотканное из снов,

или нечто еще более неземное, с едва уловимой глубинкой, словно намеком на иную реальность.

От прикосновения тело зверицы задрожало, словно осенний лист на ветру, и она обернулась, с нескрываемым удивлением глядя на свою «избавительницу».

Встретившись взглядами, они утонули друг в друге, и на мгновение показалось, будто их души сплелись воедино, образуя неразрывный узел, а судьба уже начертала на небесах их общую историю, полную тайн и неизведанных дорог.

Зверица оказалась обманчиво прекрасной, словно сошедшая со страниц древних легенд, а не из кошмаров друидов. Её короткие волосы, цвета опавшей листвы, хранили на себе печать лесной пыли, а глаза – два янтарных уголька, в которых плясал отблеск дикой, неукротимой силы. Изифа, замороженная этой первобытной красотой, не могла отвести взгляд, пока предательское покалывание на ноге не заставило её вздрогнуть. Огромный лесной паук, воплощение ночных кошмаров, заставил сердце бешено заколотиться.

Издав произвольный крик, Изифа подпрыгнула, невольно сбив зверицу, что до этого спокойно сидела на траве. Обе рухнули на землю, словно две звезды, сорвавшиеся с небес, а паук, испуганный не меньше, чем сама девушка, юркнул под ближайший камень.

Горячее дыхание Изифы опалило шею зверицы. Подняв голову, она встретила с её взглядом. Вопреки ожиданиям, в янтарных глазах не было гнева, лишь какое-то странное, изучающее любопытство. Огромная, когтистая рука легла на талию Изифы, грубовато скользнув по спине, словно оценивая её хрупкость, как охотник оценивает добычу.

– П-прости, там был большой паук... Эм... Ты, понимаешь меня? – пролепетала Изифа, пытаясь уловить в зверином облике хотя бы отголосок человечности. Она чувствовала близость опасности, но, как ни странно, страха не было.

В ответ раздался тихий, мелодичный звук, похожий на щебет редкой лесной птички. Зверица кивнула, подтверждая, что понимает её слова. Слухи оказались правдой – они говорят на языке, недоступном людскому уху, но понимают гораздо больше, чем кажется.

– А вблизи ты намного красивее... Удивительно, какие вы потрясающие, – прошептала Изифа, едва сдерживая восхищение. Её слова прозвучали, как молитва, как признание в любви перед алтарем природы.

В одно мгновение рот зверицы приоткрылся, и оттуда выскользнул узкий, раздвоенный язык, подобный змеиному жалу. Рука, до этого лежавшая на спине, притянула Изифу ближе, и в следующее мгновение язык коснулся её губ, облизав их с нежной, почти невинной дерзостью. А затем произошло то, чего Изифа никак не ожидала – губы зверицы коснулись её губ в робком, неумелом поцелуе, словно пробуждая древнюю, забытую магию.

Черноволосая, словно пленница тишины, не сопротивлялась, принимая поцелуй – прикосновение столь нежное, как роса на лепестках, с привкусом металла, словно отголосок древних битв. Вскоре её поглотила дремота, и она уснула прямо на зверице, будто на ложе из облаков. Усталость ли тому виной, или сонные чары, скрытые в слюне таинственного существа?

В объятиях тепла и забвения пронеслась ночь, словно кошмар, растворившийся в рассвете. Прошлое отступило, уступив место сновидению, сотканному из света и надежды.

На заре Изифа пробудилась на траве, под сенью плакучей ивы. Зверицы рядом не было, лишь в руке алел флакон из лазурного стекла, вмещающий густую жидкость – зелье, словно сгусток ночного неба.

Поднявшись, она направилась в родное племя, где уже пылал костер погребального обряда, поглощая останки растерзанного друида. Многие взирали с удивлением на её возвращение, словно восставшую из пепла. Что произошло в лесной глуши, осталось тайной, запечатанной в сердце, где одна душа обрела свободу ценой другой.

Вскоре открылось, что зелье – дар самой зверицы, сок её крови, дарующий понимание звериного языка. Но для чего он теперь, когда тишина окутала лес? Годы летели, словно листья,

уносимые ветром. Изифа больше не видела свою спасительницу, но помнила её улыбку, словно отпечаток солнечного луча, и поцелуй – печать на сердце. Духи шептали, что это был дар за освобождение.

Десятки лет пронеслись, и вешунья встретила старость, словно неизбежный прилив. Племя обрело покой, но тени прошлого не отступали. Бьёрн, сын Венгирсона, приносил останки звериц, дабы отвести беду, искоренить зло. Но Изифа знала, что истинная опасность кроется не в клыках и когтях, а в сердцах людских, способных на предательство и жестокость.

Глава 2

Минули годы, словно листья, унесенные осенним ветром, с тех пор как наследник бежал в чашу, унося с собой тайну, подобную углю, тлеющую под пеплом. Лейфр, словно эхо прошлого, порой слышал отголоски той девочки в своей памяти, но смирение, подобно зимней стуже, сковало его сердце, признав, что беда могла обернуться неизбежностью. И уже не было смысла вызывать из мрака воспоминаний её пряди цвета лунного света и глаза, полные безмятежности, словно гладь лесного озера.

Ныне, на стыке весны и лета, когда солнце плело свои золотые нити в зелени лесов, племя готовилось к торжеству. Наследнику предстояло взойти на отцовский престол и связать себя узами брака перед ликом богов. Пир раскинулся под открытым небом, словно щедрое полотно, сотканное из угощений, а факелы, питаемые медвежьим жиром, вздымались ввысь, отбрасывая пляшущие тени, словно души предков, радующиеся вместе с живыми. Миг, которого новобрачные ждали с трепетом, а взрослые – с особым восторгом, ведь не каждый день рождается подобный обряд, и не каждая дева устаивается чести стать избранницей вождя.

– Лэйфр, ты как там, брат? – Прогремел голос брата по оружию, с усмешкой застывшего у входа в лачугу наследника. – Не растворился ли в радости, словно роса на солнце?

– Иди ты в медвежью петлю, хах, – Ответил Лэйфр, откинув полог из медвежьей шкуры. Из лачуги вышел мужчина, чей облик дышал силой и уверенностью. В свои двадцать с небольшим он возвышался над остальными, словно дуб над молодняком, унаследовав от отца Бьерна широкие плечи и статью. Тёмно-каштановые волосы, с выбритым виском, будто выхваченным из тени, и косым пробором, напоминали крыло ворона. Прядь волос, зализанная пчелиным воском, словно застывший янтарь, падала на лоб. В тёмно-карих глазах с проблесками янтаря горел огонь, а светлая кожа оттенялась усами и бородкой, словно тенью, только-только пробившейся сквозь землю. Он был облачен в льняную рубаху, кожаные штаны свободного кроя, заправленные в сапоги до колен. Поверх рубахи – жилет из чёрной кожи, усыпанный металлическими заклёпками, словно чешуей дракона. На поясе висел меч и кинжал в ножнах, словно верные слуги, готовые в любой момент встать на защиту. А на плечах покоилась накидка из волчьих шкур с металлической застежкой, будто символ власти и силы, оберегающий от невзгод.

На шее Лейффра покоились два оберега: один, сплетённый его руками из податливой кожи и того самого камня, словно память, запечатлённая в материи; другой – железный клык медведя, символ несокрушимой воли, выкованный в огне и закалённый в крови предков.

Ум, словно отточенный клинок, ловкость пантеры, крадущейся в ночи, хитрость лиса, обходящего силки, и красота, способная затмить солнце... Разве этого мало, чтобы стать желанным супругом? Для Лейффра – более чем достаточно.

Его невеста, Маки, дочь Ригуенеена, – воительница с волосами цвета пламени, косами ниже плеч, будто грива разъярённой львицы. Её красота обжигала, бойкость искрилась в глазах, а твёрдость решений была подобна граниту, из которого высекают богов.

Юный Лэйфр избрал её своей суженой, когда им обоим исполнилось по пятнадцать зим. В этом возрасте сердца юношей и девушек начинали биться в унисон с древними традициями, и лишь через пять лет они могли предстать перед ликами великих духов, чтобы скрепить свой союз священной клятвой.

Традиции, словно невидимые нити, связывали поколения племени «Медвежий коготь», дабы умиловить великих духов и заслужить их благосклонность: щедрый урожай даров земли и победу в битвах.

– Ну, и как ощущения перед обрядом? – Торрэн, сын Вельгельсона, говорил спокойно, словно течение реки, неспешно омывающей берега.

– Честно? – Лэйфр бросил взгляд на друга, и в его глазах мелькнула усмешка. – Думаю, я волнуюсь. Хотя, мы с Маки часто бывали вместе... На охоте, да и... сам понимаешь, но всё равно... странное чувство.

– Она тебе хоть нравится?

– Конечно! Что за глупые вопросы? Я сам выбрал себе невесту, как и подобает воину, так что не стоит меня испытывать.

– Да ладно-ладно, чего ты сразу в штыки? – Торрэн, его брат по оружию, ухмыльнулся. Он ещё не выбрал себе суженую, но в его сердце уже поселилась одна дева, чьи черты грели душу. В отличие от Лэйфра, у Торрэна была роскошь выбора – жениться или нет.

Вдруг, тишину поселения разорвали боевые рога, их звук прокатился по долине, словно рык пробуждающегося зверя, призывая всех собраться на открытой поляне. В землю были воткнуты факелы, высотой в два человеческих роста, на лосиных рогах, склеенных смолой в чаши, яростно плясало пламя, отбрасывая причудливые тени. Отведённая дорожка вела к деревянной статуе богов, чьи лики, вырезанные из вековых стволов, хранили безмолвную мудрость веков. Именно перед ними сплетались новые узы, испрашивая благословение всевышних сил, дабы в союзе царили мир и согласие, словно две реки, сливающиеся в один могучий поток.

Люди стекались к подножию древней статуи, словно ручьи к полноводной реке, и вскоре Лэйфр занял своё место пред ликом богов. В лучах полуденного солнца, под аккомпанемент ласкового ветерка, зазвучали удары барабанов и трели флейт – симфония, что будила кровь и заставляла сердце рваться из груди в трепетном предвкушении грядущего. Обряд... новая жизнь... всё, как неизбежный ход времени в этой извечной реке бытия. Взгляд Лэйфра был прикован к тропе, по которой ступала его невеста, Маки. Облачённая в подобие боевого платья из мехов, она казалась дикой валькирией, сошедшей со страниц древних саг. На её рыжеволосой голове играла улыбка, словно солнечный зайчик, а глаза сияли счастьем, словно две пойманные звезды.

Трогательный момент, что вышивал узоры слёз на лицах многих женщин, чьи сердца были податливы на игру чувств.

Маки скользила по земле, как лебёдушка по глади озера, с кожей, белой, словно первый снег, и россыпью веснушек, едва заметных, словно поцелуи солнца. Когда-то, ещё юным отроком, Лэйфр заметил её – не только за красоту, но и за воинственный дух. "Выбирай невесту такую, чтобы была не только опорой, но и щитом", – шептали мудрые старцы. Таковы были законы племени, где девочек воспитывали с мечом в руках, делая их твердыми, как гранит. Но порой, буквальное следование заветам замораживало сердца, превращая их в подобие Сильванских льдов.

Ещё мгновение, и Маки стояла рядом с Лэйфром, словно два дерева, переплетающиеся корнями. Музыка стихла, и Бьёрн, воздев руки к небесам, начал читать древние слова, словно высекая их в камне времени:

– Мы собрались здесь сегодня, дабы связать узами двух людей. Лэйфра Бьёрнсона и Маки Ригуенеен. Перед ликом великих духов сплетаются их души воедино, в горе и в радости, в богатстве и в бедности, пока смерть не разлучит их. Судьба предрекла вам быть вместе, и время, отмерявшее пять лет, как и было, предсказано, истекло.

Атмосфера была наэлектризована торжественностью, каждый ждал ответа от молодых, словно первого грома после засухи. Бьёрн продолжил, желая как можно скорее завершить обряд и поздравить новобрачных:

– Согласна ли ты, Маки Ригуенеен, дать клятву перед великими духами?

– Согласна! Пока смерть не разлучит, – твердо произнесла девица, её улыбка сияла, словно восходящее солнце.

– А ты, Лэйфр Бьёрнсон, согласен ли дать клятву перед духами?

– Я... – только парень хотел произнести слова клятвы, как позади раздался звук, похожий на предсмертный хрип старого дуба. Ближайший факел, словно подкошенный, с треском обломился почти у основания, рухнув в сторону святилища и воспламенив сухое дерево статуи. Пламя взметнулось ввысь, словно разгневанный дух, обращаясь в столб черного дыма, пронзающего небеса.

Собравшиеся застыли в ужасе, словно парализованные взглядом горгоны. Поползли шёпоты о проклятии. Не мог факел обвалиться просто так, именно в этот момент, когда рядом

никого не было. Либо злой умысел, либо... гнев духов... Может, небеса пытаются донести что-то, предостеречь о чём-то страшном?

– Отец... – тихо проговорил Лэйфр, глядя на отца, а затем на испуганную Маки. Её глаза наполнились слезами, готовыми хлынуть потоком, словно из внезапно прорванной плотины. – Маки...

– Лэйфр, ступай к старой вещунье, узнай причину. – Прорычал Бьёрн сквозь стиснутые зубы, скрывая за маской суровости волнение и страх. Что бы ни случилось, Лэйфр – его единственный сын, его наследник, и мысль о том, что с ним может случиться что-то ужасное, что проклятие может его забрать... эта мысль была невыносима, словно острие ледяного копья, вонзившегося в самое сердце.

Разьедаемый ядовитой желчью самобичевания, Лэйфр силился нащупать хоть проблеск понимания, отыскать затерявшуюся в дебрях разума причину, зерно, из которого пророс этот сорняк отчаяния.

– Торрэн! За мной! – Голос его, закалённый в битвах, прозвучал как удар стали о камень, разгоняя повисшую тишину. Он двинулся прочь от зловещего костра, где, словно падший идол, корчилась в агонии статуя великих духов. Брат по оружию, опалённый страхом, но верный клятве, последовал за ним, как тень за солнцем.

Лес принял их в свои объятия.

– Лэйфр, погоди! Куда ты?

– Охота... Лучшее лекарство от душевных ран, разве нет? – В его словах сквозила горечь, словно полынь на языке.

– Хех, да уж, это верно! Тогда вперёд! – Торрэн, словно верный пёс, нагнал его, пытаясь своим неугасающим оптимизмом рассеять сгустившиеся тучи.

Они принялись проверять капканы, ловушки, ямы, словно пытаясь вычерпать море отчаяния ложкой. Обошли лес по кругу, но звери словно растворились в воздухе, притаились, предчувствуя беду. Неудачный день, словно чёрная кошка, перебежал дорогу судьбы.

Солнце, обагрив горизонт предсмертным румянцем, уже готовилось к ночному покою, когда они вернулись в племя. "Где вы пропадали?" – вопрос, словно удар обухом по голове. Как объяснить, что охотились, а вернулись ни с чем, с пустыми руками и ещё более пустой душой?

На лицах соплеменников застыл липкий страх, в спину Лэйфру шептали проклятия, вина его в гнев духов. Люди – странные создания, готовые обвинить невинного в череде случайных совпадений. Привыкшие к ритуалам, обрядам, словно к костылям, поддерживающим их хрупкое существование. Где же смысл в этих судорожных попытках умиловить судьбу, когда беды плетутся ими самими?

У костра, словно у алтаря, его ждал отец. Встретившись с ним взглядом, Лэйфр сжал кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

– Я понимаю твою боль, сын, но тебе стоит обратиться к вещунье. Она – ключ к пониманию, компас в бушующем море хаоса. – Слова Бьёрна были словно камень, сорвавшийся с горы, тяжёлые и неизбежные. – Пусть она стара и немного безумна, но в её безумии – мудрость веков...

– Да, отец...

Не дожидаясь продолжения, Лэйфр, словно раненый зверь, сорвался с места и направился к убогой лачуге, где жила Изифа, старая вещунья, хранительница тайн и пророчеств.

Изифа

Бьёрн лишь проводил его печальным взглядом, понимая, что час расплаты настал, и гнев духов на брак сына – не просто случайность. Но он не хотел идти против воли небес, ломать устои, переписывать законы. Утомлённый, он направился в дом вождя, чтобы предаться сну, ибо старость, словно неумолимый жнец, забирала силы.

Словно путник, заблудившийся в лабиринте судьбы, Лэйфр предстал перед Изифой. Он вошёл в её лачугу, словно в пасть древнего зверя, не питая особых надежд на спасение. Ведь все знали: её ответы – это лишь эхо, загадки, что дразнят слух, но не утоляют жажду знания.

– Здравствуй, Изифа, мне нужно...

– Узнать правду, наследник, разве не так? – голос её был подобен шелесту осенних листьев, сорванных ветром времени.

– Но как вы узнали? Впрочем, да, об этом шепчет каждый камень в нашем племени.

– Я не внимаю бормотанию этих глупцов. Духи нашептали мне о твоём приходе, о жажде твоей души. Так что привело тебя ко мне? – Изифа говорила тихо, словно боялась разбудить спящие тайны, голос её тонул в усталости веков. Пока она ждала его слов, руки её колдовали у костра, словно дирижировали симфонией трав и увядших цветов, бросая их в глиняную чашу. Каждый обрывок его истории становился новым аккордом в её зловещей мелодии.

– Это случилось в день моего обручения с Маки, когда я должен был принести клятву перед ликом великих духов... – Лэйфр присел у костра, словно тень, укрывающаяся от света правды. – Один из факелов, словно змея, извергнул пламя и обрушился на статую, пожирая её огнём... Люди, шепчутся, что на мне лежит проклятие. Что мне делать, Изифа?

– Да, вижу твою беду, как отражение в мутном зеркале. Но чтобы понять её истинную суть, я должна спросить духов, – ответила она, словно говоря эхом из могилы. Растерев сухие травы в порошок, она бросила их в огонь, и тот взметнулся ввысь, окрашивая воздух зловещим багрянцем, а в ноздри ударил запах горелых костей. Воздев руки к небу, словно пытаясь ухватить ускользающую истину, вещунья закрыла глаза, прислушиваясь к голосам, рождённым в пламени. – Ага... Ага... Понимаю...

– Что такое, Изифа? – Лэйфр, словно испуганный зверь, прервал её таинство, не в силах больше выносить гнетущее молчание.

– Молчать! Ты мешаешь мне слышать! – прорычала старуха, не открывая глаз, словно охраняя сокровище, которое боялась потерять. – Ха! Ответ найден.

– И?..

– Тебе не суждено обручиться с Макаки.

– С Маки...

– Неважно. Суть в том, что ты уже связан узами брака, – произнесла она, и взгляд её стал острым, словно лезвие кинжала. Затем она ловко извлекла из ниоткуда засушенного тритона и отправила его в рот, словно глотая саму суть тайны.

– Как? С кем? Этого не может быть! – Лэйфр схватился за виски, словно пытаясь удержать ускользающую реальность. – Может быть, ты ослышалась?

– Духи говорят, что твой союз был заключён давно. Ты преподнёс своей избраннице некий дар, и взамен получил нечто особенное.

– Не помню ничего подобного... – Лэйфр пытался лгать, но в глазах его плескалось беспокойное море воспоминаний. Старуха наградила его лёгким ударом посоха по голове, словно желая выбить из него дурь.

– Не смей лгать мне! Говори, что было!

– Это случилось давным-давно, когда мне было семь лет. С трудом вспоминаю. Я убежал из племени к реке, чтобы поиграть с девочкой. Я не знал её имени, не знал, откуда она родом. Она не говорила, но была необычайно прекрасна.

– Так-так, и что же было дальше? – Изифа жевала тритона, слушая его рассказ с жадностью, словно внимала древней легенде.

– Я подарил ей свой амулет, а она мне взамен – камешек с рисунком. Больше я её никогда не видел. Она словно растворилась в воздухе, исчезла...

– Ты сам ответил на свой вопрос, – констатировала ведьма, словно вынося приговор.

– И что мне теперь делать? Я должен обручиться с Маки...

– Да подождёт твоя Макаки, олух! Если хочешь знать, что делать, слушай меня внимательно, – прорычала она и вновь закрыла глаза, прислушиваясь к голосам пламени. – Ты должен найти её и вместе с ней взойти на гору Рогизна. Там, в ночь, когда ярчайшая звезда пронзит небеса, ты должен сжечь свой амулет.

– Мой амулет? Но...

– Да не её амулет, глупец! Камень не горит, разве не знаешь? Впрочем, неважно, ты понял меня.

– Ничего я не понял! Где мне её искать? Невесть кого, невесть, где... Прекрасно! – Лэйфр заскрежетал зубами, сдерживая истерический смех.

– Хм, а ведь и правда. Дай-ка мне тот камень, что она тебе подарила, – Изифа протянула руку, и Лэйфр, скрепя сердце, снял амулет со своей шеи и отдал его старухе. Он берег его, словно самое дорогое сокровище, ведь это был подарок, частица его далёкого детства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.